

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)

«ХАРБИНСКИЙ ТЕКСТ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В УСТНЫХ РАССКАЗАХ ХАРБИНЦЕВ

ЦЗЮЙ КУНЫИ

(Амурский государственный университет:

Российская Федерация, 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское ш., д. 21)

***Аннотация.** Предметом исследования в статье стали устные рассказы харбинцев (русских, метисов, китайцев) о жизни в Харбине первой половины XX в., которые были собраны в результате полевых исследований 2015–2019 гг. в Благовещенске, Москве, Санкт-Петербурге, Харбине, Пекине. В подборке материалов представлены воспоминания представителей разных этнических, социальных и политических групп: потомков русских эмигрантов, китайских мигрантов, детей служащих КВЖД, детей китайских партийных деятелей, которые оказались в Харбине в результате революционных событий и Гражданской войны, миграционных процессов в Маньчжурию со стороны Центрального Китая, революционных событий в самом Китае и образования КНР. В работе сделана попытка дать определение понятия «харбинский текст» культуры и истории, представить методику исследования устных рассказов, бытующих в русскоязычной и китайскоязычной среде, как жанра городского фольклора.*

***Ключевые слова:** устная история, мемуары, интервью, Харбин, «харбинский текст», дальневосточные эмигранты, китайские мигранты.*

***Дата поступления статьи:** 27 мая 2019 г.*

***Дата публикации:** 25 декабря 2019 г.*

***Для цитирования:** Цзюй Куньи. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 120–135.*

***DOI:** 10.26158/ТК.2019.20.4.010*

Харбин — особенный город в истории России и Китая. Уникальность города, построенного русскими на маньчжурских болотах, состояла в том, что это был многонациональный город. В течение полувека существования его в маргинальном статусе центра КВЖД здесь скрестились судьбы русских, китайцев, маньчжуров, поляков, японцев и т.д., людей с самыми разными культурными и политическими ориентациями — монархистов, большевиков, националистов, а затем китайских коммунистов. За эти годы Харбин был свидетелем восстания ихэтуаней, Русско-японской и Первой мировой войн, стал пристанищем для русских эмигрантов,

пережил японскую оккупацию, экономический расцвет 1920-х и время упадка 1930–1940-х гг., окончательный переход в китайское управление после 1945 г. Поэтому «харбинский текст» нуждается в источниках, воссоздающих жизнь города и его жителей в данный противоречивый исторический период в поликультурном и многонациональном единстве.

Понятие «харбинский текст» опирается на понимание «текста города» как особой семиотической сферы, как «котла текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман 1996, 282]. Текст города в данном толковании

способен существовать в различных проявлениях: художественном (литературном, архитектурном, музыкальном, ландшафтном, живописном, скульптурном), бытовом и фольклорном, и его онтология является объектом исследования разных областей гуманитарного знания.

Так, вышеуказанные аспекты существования «харбинского текста», кроме фольклорного, в той или иной мере зафиксированы в исследованиях российских ученых — историков, политологов, экономистов, архитекторов, религиоведов, филологов [Аблова 2005, 4; Забияко и др. 2015]. Отдельного внимания заслуживает харбинская мемуаристика. Долгое время немногочисленные воспоминания русских китайцев — писателей, общественных деятелей, журналистов [Софонова 1980; Волин 1982; Перелешин 1987; Резникова 1988; Крузенштерн-Петерц 1997–2000; Слободчиков 2005; Ильина 2011] — были основным материалом для реконструкции специфической картины жизни русского беженства в Китае, в частности в Харбине [Забияко 2011]. Позднее, на «закате» эпохи застоя в СССР, затем в постперестроечной России появляются более взвешенные и политически нейтральные работы Е. П. Таскиной [Таскина 1991; Таскина 1994; Таскина 1998] и Г. В. Мелихова [Мелихов 1991; Мелихов 2003].

Очевидно, что история КВЖД, культуры Харбина долгое время осознавались русской научной мыслью как исключительная принадлежность российской истории. Но русского Харбина более нет, в Харбине не осталось его прежних русских жителей, реалии жизни в нем исключительно китайские. Китайской наукой эта история долгое время изучалась как история колониального прошлого [Ли Чуаньсюнь 1998; Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лиин 2003]. В настоящее время китайская научная мысль, определяемая официальной позицией государства, пришла к пониманию того, что история Харбина заслуживает внимания не только с точки зрения политики, экономики, но и с точки зрения многонационального культурного наследия, подаренного существованием КВЖД и обеспечившего харбинскую специфику в прошлом, настоящем и будущем [Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко 2019]. И здесь весьма важно избежать

тенденциозности и клишированности суждений, свойственных специальным историческим и политологическим исследованиям. Потому устные свидетельства о жизни этого города и в этом городе первой половины XX в. обладают непреходящим значением человеческого документа, «уходящей природы». Именно к такому выводу пришли ученые России и Китая на Международном семинаре, посвященном обсуждению российско-китайского проекта «История и культура Харбина в устных историях дальневосточных эмигрантов» (Центр изучения дальневосточной эмиграции, департамент краеведения провинции Хэйлуцзян, Харбин (КНР), 16 апреля 2018 г.).

Наше исследование в рамках российско-китайского проекта основано на результатах 10 международных фольклорных экспедиций 2015–2019 гг. (гг. Санкт-Петербург, Москва, Пекин, Харбин, Карловы Вары). Ранее нами были проанализированы устные рассказы русских харбинцев, проживающих в Москве, Санкт-Петербурге, Благовещенске [Зиненко, Цзюй Куньи 2015; Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко 2019], в них были выявлены лейтмотивы и образы-топосы, определяемые общностью и индивидуальностью судеб детей дальневосточной эмиграции.

Данная работа выходит за рамки устной истории исключительно «русского Харбина». В статье речь пойдет о той части «харбинского текста» истории и культуры, которая составлена из интернациональных устных рассказов — воспоминаний русских, китайцев, потомков русско-китайских браков. Из интервью более чем с 25 информантами мы отобрали четыре наиболее репрезентативных с точки зрения решения задачи всестороннего изучения «харбинского текста», в части его устной истории.

Сведения о наших респондентках.

Лалетина (Николаева) Наталья Николаевна (1931 г.р.), родилась в г. Харбине, в семье отставного военного, участника Ледяного похода, и домохозяйки. Училась в русской, японской, затем советской школах. Вышла замуж в Даляне за русского харбинца. В 1954 г. вместе с мамой и мужем выехала в СССР на целину. Позднее к ним присоединился отец. Закончила в 1963 г. техникум

легкой промышленности (г. Алма-Ата), в 1974 г. — Московский институт легкой промышленности. С 1965 по 1975 г. — главный технолог, старший научный сотрудник НИИ Казгипро. С 1975 г. по состоянию здоровья живет в Риге. В настоящее время пишет воспоминания о Харбине и харбинцах.

Шитова Любовь Николаевна 李金玉, Li Jinyu (Ли Цзиньюй) (1931 г.р.), родилась в русско-китайской семье в провинции Шаньдун. Ее мать — Евдокия Захаровна Шитова, отец — Николай Ли. Отец работал фотографом в г. Чите Забайкальского края, после свадьбы родители переехали в Китай на родину отца (г. Цюйфу), затем в г. Харбин. В семье было четверо детей, старший брат Иван скончался в молодом возрасте от тифа. В 1966 г. родители с младшим братом Любови Николаевны Алексеем эмигрировали в СССР — на родину Евдокии Захаровны, в г. Екатеринбург. Сестра Лидия уехала в Австралию. После окончания школы с 1946 г. работала в Харбинском государственном управлении промышленности и торговли. С 1958 г. до пенсии Любовь Николаевна работала в китайской школе, преподавала русский язык; свободно владеет русским и китайским языками.

Ли Иннань 李英男, Li Yingnan (1943 г.р.), по-русски **Инна Александровна Ли**, родилась в русско-китайской семье (отец — знаменитый китайский революционер, один из основателей КПК Ли Лисань (кит. 李立三, *LiLisān*; урожденный Ли Лунчжи (кит. 李隆郅, *LiLóngzhì*), мать — Елизавета Павловна Кишкина, ЛиШа (кит. 李莎, *Lishā*) — видный деятель русской эмиграции в Китае, заслуженный профессор Университета иностранных языков в Пекине. Закончила филологический факультет МГУ (испано-английское отделение). Профессор Университета иностранных языков в Пекине. Свободно владеет русским и китайским языками, является культурным билингвом. Основной профиль научной деятельности — русская культура, россиеведение, переводы китайской литературы на русский язык. В настоящее время живет в Пекине и Москве.

Фан Цюаньцзюань 范娟娟, Fan Juanjuan, по-русски **Евгения Павловна Фан** (1944 г.р.), родилась в Харбине в китайской семье. Училась в русской

школе. В 1959 г. приехала в Пекин, работала в международном отделе Центрального радио Китая. Готовила передачи для Советского Союза. Свободно владеет русским и китайским языками. В настоящее время живет в Пекине.

Судьбы этих людей сложились по-разному, как разными были политические, социокультурные, этнокультурные обстоятельства, приведшие их родителей в Харбин. Н. Н. Лалетина и Фан Цюаньцзюань родились в Харбине, для Л. Н. Шитовой Харбин стал второй родиной, Ли Иннань помнит Харбин временным полустанком на перекрестке эпох и трудного пути ее семьи в Китай, на родину отца. При этом жизненные пути наших собеседниц пересекаются: Ли Иннань и Фан Цюаньцзюань ходили вместе в детский сад, а потом, встретившись в Пекине, стали подругами. Н. Н. Лалетина и Л. Н. Шитова учились вместе в начальной русской школе, имеют общих друзей, в настоящее время находятся в переписке, созваниваются.

Устные рассказы собирались в процессе интервью, переходящих в непосредственную дружескую беседу. В данной публикации приводятся тексты, зафиксированные на русском языке. Представленный материал имеет свою специфику.

1. Нарративы наших информантов отражают разные этапы и разные стороны харбинской жизни: с периода появления в нем русских жителей, затем ставших эмигрантами, до времени образования КНР и начала исхода русских из Харбина.

2. Так как наши информанты — граждане Китая и России, китайцы, метисы и русские, их рассказы отражают китайскую и русскую точки зрения на историю Харбина, на взаимоотношения русских и китайцев.

3. Некоторые из информантов оставили письменные воспоминания, кто-то повторил свои рассказы несколько раз перед разными аудиториями. Например, Любовь Николаевна Шитова выступила героем многих журналистских репортажей и сюжетов, подготовленных амурскими журналистами (Александром Ярошенко, Андреем Оглезневым). Наталья Николаевна Лалетина (Николаева) является автором книги воспоминаний «Японцы» [Николаева 2016].

Ли Иннань выступила составителем и редактором воспоминаний своей мамы,

Елизаветы Павловны Кишкиной [Ли Ша 2009; Кишкина 2018], написала воспоминания о своей няне-харбинке [Ли Иннань 2017, 7–11]. Рефлексия практического опыта собирания устных историй предварила собственно мемуары Ли Иннань о Харбине.

Мы приводим фрагмент интервью, в котором были затронуты проблемы дифференциации устных воспоминаний и мемуаров, специфики нарративов, фиксируемых на русском и китайском языках.

«Соб.: Как вы думаете, в чем проявляется разница между мемуарами и мемуаром? Это, конечно, методологическая проблема, но вы как филолог и ученый, вы же, наверно, представляете и интуитивно ее чувствуете?»

Мне кажется, устные истории, мемуары — они спонтанные. А память человека, я сама убедилась, она запоминает то, что человеку показалось как-то интересным, удивительным или его что-то потрясло и оно связано с внутренней структурой человека, <зависит> от его характера, от его восприятия мира: одни запоминают одно, другие запоминают только негатив, а другие все-таки стремятся к позитиву. Ну а когда это все ложится на бумагу, то здесь уже, конечно, требуется привести в порядок, логически выстроить. Ну, чаще всего, когда я работала... Сначала мама записывала на пленку, первую часть она писала сама, у нее еще были здоровье, силы, и она выстроила свой текст, и тем самым она задавала и тон, и стиль, и все такое, а дальше вообще дело растянулось, и силы не те, и я сказала: «Мама, давай я тебя буду записывать». Я, правда, предварительно уже, конечно, много слышала разные ее рассказы, я приблизительно набросала темы, чтобы как-то не так уж сильно <было> в разброс. Я стала потом ее спрашивать про Харбин. Ну конечно, когда я просила рассказ, она уходила в другое время, в другие ситуации, поэтому приходилось как-то все это выстраивать логически и тематически, как-то думать над структурами. Строила уже письменные мемуары.

Соб.: То есть ваша книга, книга, конечно, Елизаветы Павловны, она строится на основе интервью, да?»

На основе устных рассказов, где-то я задавала вопросы, ну, все-таки

это не интервью, она сама знала, что рассказывать.

Соб.: Вы заранее готовили ей вопросы или в процессе беседы?»

Ну, я просто ей говорила: «Давай на эту тему поговорим», — потому что она уже много раз рассказывала про это и по-русски, и китайцам, я переводила, все это в целом я знала, какой материал и что там должно быть примерно.

Соб.: А вы считаете, есть разница между интервью и устной историей?»

Мне кажется, есть, интервью все-таки особый жанр, хотя устные истории могут строиться на основе интервью. Мне кажется, устные истории — все-таки это какой-то нарратив, ну, как ответы на вопросы. А интервью — ну, здесь журналист чаще играет на себя, журналист играет ведущую роль. Тот, кто интервьюирует, он задает тон, он задает какие-то задания, продумывает вопросы, что ему интересно, и это могут быть и актуальные вопросы, и политические, и какие-то еще, и есть такие, которые затягивают интервью в свои рамки... Из него журналист хочет вытащить, что ему нужно. Если устная история, то нужно вспоминать человеку самому, как оно есть, можно аккуратненько задавать наводящие вопросы. <...>

Соб.: Ну, когда вы писали книгу, происходил отбор материалов, правильно?»

Ну, он частично происходил, но у мамы все-таки очень хорошо разработана русская речь. Вы знаете, ну прям ложится на бумагу, тем более она сама писала. Поэтому в этом плане, конечно, устная речь — это какие-то перебивки, какие-то вставки, такие особенности устной речи тоже прослеживаются, но в целом это было не так сложно.

Соб.: Когда она рассказывала, например, вы что-то повторяли или она какую-то историю несколько раз рассказывала, такой разницы вы не замечали? Вот, например, что-то раз — новое. Никогда не обращали внимания?»

Нет, не обращала. Ну, может, какие-нибудь новые детали. Потом, это тоже зависело, мама рассказывала истории и китайским журналистам, под тем ракурсом, который им был интересен, а когда она для себя и на русском языке, может, говорила как-то полнее. Китайцам, может быть, не так интересно <то, как по-русски рассказано>.

<Соб.: Вот у вас есть китайский вариант издания — такой тонкий и русский вариант — очень толстый. Как эти варианты создавались? Это был отдельный китайский рассказ?>

Нет. Она, конечно, все говорила по-русски, и, естественно, сначала это книга шла на русском языке на основе устных записей, а потом на китайском. Опять-таки я их излагала ее рассказы на китайском, но при этом пришлось побольше поработать, чем с русским исходником, потому что опять-таки <учитывался> вопрос структуры и восприятия китайского читателя, что ему интересно. Русский читатель привык к более детализированному описанию картин, и это кажется ему интересно. А китайский читатель любит фактологическую сторону. Ну, как бы действие «экин»: что, когда, где это было, а вот как-то описать и особенно психологически — движение души — очень редко в китайских мемуарах. <...>

Ну, вот она, особенность китайского характера, но при этом, когда мамина книжка вышла, т.е. в китайском изложении, там самые разные читатели, незнакомые, говорили, что очень ценно то, что она описывает и движение души, и психологические переживания. Хотя китайские «воспоминатели», как мама говорила, — они избегают рассказывать, что они сами ощущают, только говорят, что было. Стараются это все объективизировать, ну, в общем, отстраненно» (Зап. от Ли Иннань, г. Пекин, КНР. Соб. Цзюй Куньи, А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Очевидно, что практический опыт фиксации устных воспоминаний своей мамы, а затем оформления их в мемуары позволил Ли Иннань интуитивно обобщить методологические проблемы изучения жанра устной истории, активно исследуемые в настоящее время российскими учеными (см., например: [Козлова 2005]). Помимо того что устная история существенно дополняет и корректирует письменную, устные рассказы обладают самоценным художественным значением как жанр фольклора. Устные рассказы-воспоминания, воспроизводящие личные впечатления о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик, в фольклористике обозначаются термином *меморат* [Зуева 2002, 93]. Как считает

И. А. Голованов, «...от преданий меморат отличается минимальной степенью обобщения жизненного материала, однако в нем в той или иной степени задействуется фольклорный мотив или образ, который и позволяет меморату в будущем “оторваться” от конкретного рассказчика, обрести относительную стабильность сюжета, подвергнуться дальнейшей фольклоризации» [Голованов 2013, 89]. Исследователь отмечает, что мемораты являются важным источником пополнения фонда фольклорной прозы: в них происходит первоначальный отбор фактов реальной действительности, важных для носителей фольклора. Такой отбор осуществляется уже в самом коммуникативном акте, в процессе устной передачи впечатлений участника или очевидца событий другому человеку. Моменту рассказа, в свою очередь, предшествует отбор информации в сознании говорящего — через эмоции, чувства. Из множества разнообразных жизненных впечатлений выбирается материал, который, по мнению информанта, заслуживает того, чтобы быть рассказанным: он произвел сильное впечатление на самого рассказчика; заключенная в нем информация может быть полезна и интересна слушателю; события прошлого находят свое созвучие в настоящем [Голованов 2013, 89–92].

Практически все устные рассказы харбинцев включают в себя следующие тематические блоки: воспоминания о предках (бабушки и дедушки, родители), рассказы о том, как семья оказалась в Харбине, о составе семьи, образовании, жизни в Харбине, праздниках и религиозной жизни, взаимоотношениях русских и китайцев. В данной статье мы приводим наиболее яркие фрагменты интервью, сгруппированные по выделенным темам.

Рассказы о том, как семья оказалась в Харбине, создают довольно пестрое полотно разных обстоятельств социального, политического и экономического характера. Перед нами в хронологической последовательности выстраивается история освоения русскими Северной Маньчжурии, связанная с началом строительства КВЖД, открывающимися экономическими свободами, миграционными процессами со стороны Центрального Китая и России, возникающими

русско-китайскими браками, социокультурными трансформациями первой половины прошлого века.

«Как мои родители <приехали в Харбин>... Конечно, во-первых, мама приехала в двухлетнем возрасте. Ее привез из Читинской области двоюродный брат. С семьей брата она приехала. У него была жена и двое в то время дочерей. И маму двухлетнюю вез, потому что у мамы погибли родители. Ну вот, мама у меня девяносто восьмого <1898>. В девяностом маму привезли. Да. Ей два годика было. А родилась она в Читинской области, там поселение поляков. Она была дочь ссыльного офицера польского, при царе сосланного. А бабушка была местная. У мамы были очень красивые вьющиеся волосы, вот такие вот ниже талии, и темные карие глаза. Видите у нас у всех, и у меня, и у внуки восточное, сказать, монгольское, разрез глаз.

Там их называли кто как — кто чалдоны, кто там какие-то гураны. Понимаете, вот такие вот народности. Бабушка была из гуранов. А гураны — это козлы в общем-то. Мама была, конечно, полька, потому что у нее все было: маленькая ножка, ручка. У меня руки и ноги от нее нерабочие, как говорится. Дедушка был пан, очевидно, потому, что в Польше, как и в России, в армию не брали простых людей, так сказать, были люди высокого класса.

<У деда была фамилия> Круль. Кроль. Король. Илларион. Мама Илларионовна, а папа у меня Николай, так ее все Николаиха звали, Николаиха. А папа у меня пришел... Вы знаете, у него вообще судьба, конечно, очень страшная. Во-первых, он родился в город Ямбург, это недалеко от Нарвы. Папа там прожил, значит, учился в церковно-приходской школе. Потом окончил коммерческое училище, где-то год проработал конторщиком по своей специальности. Его отец был унтер-офицер тайной полиции, то есть, как говорили Советы, «самрап». А он был, как их называли? Полиция. Жандарм. Он был жандарм, но в этой тайной полиции, в Питерской области. Видимо, имел большой чин, потому что он один работал. Девять детей они нарожали с бабушкой.

Бабушка была чухонка¹. Знаете, что такое чухня? Бабушка-чухонка занималась хозяйством, огородами, своими детьми. Всех выучили. Все получили высшее образование, можно сказать. Двое врачей, двое погибли в Первую мировую <войну>, один неженатый был. А сестры все учились в Питере. <...>

Папа, значит, кончил работать и пошел добровольцем на Первую мировую войну, добровольцем. Кстати, мой сын тоже добровольцем ушел на войну. Это у них по мужской линии такое. Он <папа> где-то в Псковской области попал. Курсы прошел офицерские, и воевал он до шестнадцатого года <1916>, когда уже кончилась война, можно сказать, ее раскрутили. Он вернулся, там уже начались волнения в армии, там начались эти агитаторы. Он посмотрел-посмотрел и уехал в Томск, к старшей сестре. А старшая сестра училась на зубного врача в Питере, и когда она закончила эти курсы. <...> И что делать? Работы нет. Поехала в Томск. И вот там она в Томске уже практиковала всю жизнь, очень долго. Вышла замуж за военного тоже, белого офицера, его посадили, расстреляли где-то в тридцать шестом или седьмом году <1936/1937> в течение полугода, а вся семья его ждала всю жизнь, пока не раскрылось <пока не пришла официальная информация о его смерти>. А папа ушел в Харбин. Постепенно. <...> Он был в Ледяном походе. Вы знаете, самое главное, когда он посмотрел, что там ничего не будет, он ушел. Конечно, они всю жизнь боялись за это, потому что за это сажали. Раз папа ушел за границу. А папа пошел к своей сестре, поехал в Томск. И она там ему в течение многих <лет>, долгого времени она ему в Харбин высылала золотые рубли. Она же работала с золотом, с зубами. Она с тем, кто шел в Харбин, например, солдаты или в основном офицеры, зашивали в шинель эти деньги. И все приходили по назначению. И никогда не было ни одного раза, чтобы что-то украли. Она так первое время помогала. А папа прошел весь поход. Папа болел всеми болезнями. Уехал в Харбин и устроился работать на железную дорогу кондуктором. А тут двадцать четвертый год

¹ Чухня, чухонцы — устаревший этноним прибалтийско-финских народов в новгородских землях.

<1924>, кажется, бои под Волочаевкой². Он собрался туда еще воевать. Он еще довоевывал...

Я знаю только, что он схватился, а там у них была, как говорится, своя компания. У них было пять Николаевских орденов³. Они еще не были инвалидами. Кто-то был инвалид, кто-то еще не был инвалидом. И он пошел воевать в Волочаевку. Под Волочаевкой он был ранен, пуля попала в ключицу в левую, его положили на Русский остров. На Русском острове он пролежал год в госпитале. Потом она, эта пуля, вышла в правом, вышла здесь, шла-шла-шла, а вышла здесь. Он носил эту пулю всю жизнь на брелоке, эту пулю. Это братоубийственная пуля. Я долго-долго с ней играла, видно, заиграла <потеряла>. Уже сколько времени прошло. Когда он уже в двадцать четвертом году <1924> обосновался в Харбине. Он работал... Вы знаете, самое главное, что он же знал языки: немецкий обязательно, французский тоже. Его научили, два языка <двум языкам>. Он никогда в жизни не смог воспользоваться. Во-первых, почему? В чужой стране он как-то не был проницатель, он был очень высокого класса интеллигент, он не хотел. Он считал, что лучше работать руками, потому что, когда японцы пришли в тридцать втором году⁴, тем более. Он к японцам никакого отношения не имел, не хотел иметь. Он работал всем, абсолютно, где только не брался. Во-первых, во всех "Рупорах"... "Рупор", "Заря", "Харбинское время"⁵, все носил газеты, носил газеты. В три часа ночи вставал. Зима. Лето. Неважно. Приходил зимой, весь запурженный снегом, приносил кучу вкусных вещей. С сорок первого года было — чего только не было: шоколады, мармелады. Это же чудный был город. Он зарабатывал практически вот на том, что он физическим трудом. Первые годы

он вообще по Сунгари на лодке работал, возил лодочником. Даже у Несмелова есть же стихотворение... "Эта лодка..." (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной, г. Харбин, КНР. Соб. А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«А мама у меня совершенно неграмотная, потому что ее забрали из школы с четвертого класса. У брата умерла жена от чахотки. А детей надо было поднимать, и ее оставили неграмотной. В 16 лет выдали за китайца замуж. У нее было трое детей. Двое детей умерли, а Костя... Я его видела последний раз, когда мне было года, наверное, четыре или пять. А ему было, наверное, в то время лет пятнадцать. Он китаец наполовину. У нее <у мамы> был очень богатый муж, старый. Ее вытиснули <выдали замуж> в 16 лет, потому что лишний рот и так далее. Мама сначала ходила, работала у какой-то швеи на побегушках. Разносила иголки, булавки. Как говорится, вот такая девочка. В 16 лет ее выдали.

Он был очень богатый. Тут на пристани был банк "Эльдorado", вернее, не банк — отель. В этом отеле был ресторан. В этом ресторане был хозяином, ну, наверное, сообща, я так думаю, какая-то компания, китаец, ее муж. И еще, кроме того, у него был вагон-ресторан, который ходил Харбин — Маньчжурия, Харбин — Дальний. Богатейший китаец. У китайцев было принято <иметь> кучу жен и любовниц. Мама смотрела-смотрела, забрала ребенка, выбросила это кольцо обручальное. В чем была, в том ушла, и заболела. Нет, она не заболела еще. Получилось так, что мальчишку отец потребовал обратно. А по китайскому суду нужно было спрашивать ребенка, с кем он хочет. Когда в суде спросили мальчика Костю, которому было в то время семь лет: "С кем бы ты хотел жить?" — он сказал, что,

² Волочаевский бой — одно из крупнейших сражений заключительной части Гражданской войны в России, произошедшее 10–12 февраля 1922 г. в районе станции Волочаевка Амурской железной дороги, на подступах к Хабаровску. Народно-революционная армия Дальневосточной республики под командованием В. К. Блюхера противостояла частям Дальневосточной Белой армии генерала В. М. Молчанова.

³ Орден Святого Николая Чудотворца — награда времен Гражданской войны. Предназначался для награждения чинов русской армии (как офицеров, так и нижних чинов) за выдающиеся воинские подвиги, проявленные в борьбе с большевиками.

⁴ Захват Маньчжурии, японская интервенция в Маньчжурию 1931–1932 гг. — захват северо-восточной территории Китая японскими войсками с последующим восстановлением маньчжурской династии Цин в новообразованном государстве Маньчжоу-го.

⁵ Русские газеты Харбина.

конечно, хотел с мамой жить, но папа мне пообещал велосипед. Все. И мама лишилась ребенка. Заболела. У нее был колит. Страшно болела. Ходила по стенке. Уже совершенно больная ходила к китайцу, он ей назначал лекарства. Там по пульсу раньше делали диагноз. И мама лечилась. Он сказал, что ни в коем случае нельзя никакой сырой воды, нельзя ничего это самое, никаких квасов, никаких... Мама никогда! всю жизнь только горячий чай, больше ничего, кроме... <...> А потом вот в это время, когда она ходила такая вот <больная>, она встретила папу. А папа был в одной шинели и в ипаге, и больше ничего за душой. Они поженились. У меня до сих пор висят иконы их венчальные, венчики, восковые свечи. И причем они приехали из России, эти иконы, и мы их увезли, и они до сих пор у меня» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной, г. Харбин, КНР. Соб. А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Брат — Алексей, сестра — Лида. Папа был фотограф, в Чыте <Чите> была своя мастерская. Он приехал в Россию, один, молодой парень, старушка и старик держали свою фотографию (фотомастерскую. — Авт.), он у них работал, он им понравился, стал он снимать и перепечатывать, всему научился. Прошло время, мама с папой поженились, хозяин продал ему фотографию. Я была в Чыте, меня возили по улицам, я ничего не помню, это только сестра может вспомнить. У меня фамилия — китайская, по отцу Ли. У нас <в Китае> не носят фамилию мужа. У меня каштановы были волосы, нэт <нет>, я на папу похожа, папу звали Николай. Он жил в Чыте, в Борзе⁶, в Якутске — в этих краях. Мама — Евдокия Захаровна, фамилия Шитова. Они из Екатеринбурга, у меня сяс <сейчас> брат там живет. Мама, я помню, рассказывала, как Николая

Второго в Екатеринбурге держали, дом Ипатива <Ипатъева>, заборы, говорит <говорит> высоки, но щелки, вот ребяташки в щелки смотрели на царя. Многие хотят посмотреть, бегали, играли, мама видела. Вот я сяс <сейчас> читаю эту книгу (показывает)⁷. Какой он <Николай Второй> красивый был! У вас есть карточка его молодости? Очень прямо он красивый был. <...>

Брат мой, Ваня, здесь на кладбище лежит. Японцы всяку заразу пустили, что-то крысы больные, еще что-то, вот он получил, тиф был [речь идет о японском отряде 731⁸. — Авт.]. Уже в сорок пятом году, когда Красная армия была здесь. Он заболел тифом, с русскими солдатами они выпивали где-та, че-та он поел неладно, дизентерия и потом уже никак. Красивый был у меня брат, глаза большии» (Зап. от Любови Николаевны Шитовой (Ли), г. Харбин, КНР. Соб. А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян. 2016 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«По маминим воспоминаниям, это был 1946 год, мы полмесяца добирались из Москвы до Харбина. С двумя пересадками на поезде, через Читу. В Чите была пересадка, потом доехали до Забайкальска, там заночевали, там тоже была пересадка, потом на каком-то паровозике до Маньчжурии. Там ходил паровозик только КВЖД, который почти возил, ходил очень редко. Они нас ждали, потом маму задержали пограничники, ее трясли на таможне, проверяли. У мамы такая память, она даже запомнила, что у нее отобрали книжку, которую она взяла в дорогу, даже помнила, как она называлась, она называлась «Колокола»⁹. И потом я в энциклопедии нашла, это был малоизвестный автор, книжка написана в конце 20-х — начале 30-х годов.

Советская гражданка, мама выезжала — ей даже паспорт не дали, потому что

⁶ Борзя — город в Забайкальском крае.

⁷ Речь идет о книге: Никулина М., Белокуров С., Вильтон Р. Последние дни Романовых. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1991. 304 с.

⁸ Японский отряд 731 — специальный отряд японских вооруженных сил, японский исследовательский центр, действовавший на территории марионеточного государства Маньчжоу-го, в районе поселка Пинфан провинции Биньцзян, в двадцати километрах южнее Харбина (в настоящее время — район Пинфан г. Харбина). Занимался исследованиями физических возможностей человеческого организма, разработками биологического и бактериологического оружия, разновидности этого оружия испытывались в ходе экспериментов на людях.

⁹ «Колокола» — роман русского советского писателя Ивана Евдокимова, написанный им в 1925 г. и впервые опубликованный в 1926 г. Рассказывает о революционных событиях 1905 г. на Вологодчине.

там была Гражданская война и ей сказали, это был отдел международных связей ЦК КГБ, если вы попадете в руки гоминьдановцам, вы не должны говорить, что вы с Советского Союза, вы скажите, что местная бумага, и у вас не должно быть никаких бумаг, которые говорят о вашей причастности к Советскому Союзу. Поэтому всё забрали, дали какую-то бумажку, подписанную командующим погранвойсками Забайкальского округа, что «такой-то — такой-то разрешается пересечь границу».

Я помню одно из самых ранних воспоминаний, связанное с пересадкой в Отпоре, потому что, как мама говорила, они пошли там чего-то разбираться с поездом или с чем-то еще, а там еще были две попутчицы китайки, ну, нужно было присутствие всех трех, вещи стояли на платформе, и мама меня, трехлетнюю девочку, посадила на эти вещи: «Инночка, сиди тут, никуда не уходи». А у меня воспоминание: я сижу в какой-то пустыне, но это, как выяснилось, была деревянная платформа, совершенно гладкая, пустая, и, наверное, детский страх, и такое ощущение, что я сижу одна на какой-то странной плоской пустыне. Да, и этот страх ощущения пустыни и пустоты вокруг у меня остался, потому что, когда мама вернулась, у меня уже были слезы на глазах, но я еще не разревелась, я была мужественной девочкой» (Зап. от Ли Иннань, г. Пекин, КНР. Соб. Цзюй Куньи, А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Жизнь в Харбине

«А мамыны родители погибли в Читинской области. Ее сиротой привезли. С семьей двоюродного брата. Двоюродный брат — Антон Синицын. И она стала Синицыной. Не Круль. Круль она по метрике. По паспорту она Николаева. Но она была Синицыной, потому что брат усыновил как бы-то. Брат приехал работать на управление КВЖД, бухгалтером работал. Они жили в шикарном доме железнодорожном, с ледником, со всеми делами, как говорится. С палисадником. И повар был, и няня была, уборщицы были там. Приходили зеленички, приходили мясники,

товарники, все это привозили, приносили. Там не надо ни на какой базар ходить, ничего. Все приносили. Вот они жили таким образом» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной, г. Харбин, КНР. Соб. А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Вот так вот, понимаете, он <папа> работал в конторе — по продаже квартир, домов работал. Он работал в последние годы особенно, в сороковые годы, уже после войны. На пристани было очень много еврейских домов, магазинов, очень много... А крыши были такие... Не капитальные у них крыши домов. Он там эти крыши крыл гудроном. Он летом приходил черный от загара. За день ведро воды выпивал. Весь страшно красный. Но очень хорошо платили еврею. Мы жили тогда... очень хорошая работа. Потом он построил домик во дворе. Мы купили дом в тридцать шестом году <1936>, полдома, у одних подполковников. Там жили муж с женой, подполковники. Мы у них половину дома купили. И жили где-то до сорок пятого, что-то так. Даже раньше... Папа во дворе построил... У нас большой участок был. Папа построил там такой флигель, и мы жили в этом флигеле. Потом, когда был такой период, знаете, где-то сорок третий, наверное, год, было очень трудно. И папа поехал в Тангенский (Тооген. — Авт.) район на лесозаготовки» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной, г. Харбин, КНР. Соб. А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Ну, отец к тому времени обосновался, приехал уже больше чем за полгода, там провел он до нас или когда он получил этот домик, это были, может, сейчас их снесли, домики в Харбине, где жили работники КВЖД, железнодорожный поселок. Я несколько лет назад, одна моя хорошая знакомая китайка Цинь Ючжи (秦禹智, QinYuzhi. — Авт.). Она любила старый Харбин, и она в прессе воевала за то, чтобы сохранить многие старые дома. Она меня туда специально повезла, там еще тот дом стоял, потому что там еще мама была, и она помнила: Садовая, Техническая, схема была, и мы поехали. А наискосок был дом Линь Бяо¹⁰, и этот дом сохранился. Его там знали, потому что

¹⁰ Линь Бяо (кит. 林彪, Lín Biāo; 5 декабря 1907 — 13 сентября 1971) — китайский политический деятель, маршал КНР, считавшийся правой рукой и наследником Мао Цзэдуна до самой смерти в загадочной авиакатастрофе в небе над Монголией. Посмертно был объявлен предателем и вычеркнут из списков Коммунистической партии Китая.

пока он не разбился во время “культурной революции”, там было паломничество, целый музей сделали, поэтому этот дом был известный в Харбине, и именно туда меня привели. Ну, это было совсем покосившееся, развалившееся здание. Домики были в таком (каменные) немножечко в дачном стиле, с верандой стеклянной. Сохранилась у меня одна фотография, как по приезде мы стоим на этой веранде, папа держит меня на руках, мама рядом. Мама говорила, что там было четыре комнаты, которые отапливались печками, не было такого центрального отопления, была печь, голландская в центре дома, она отапливала сразу все помещения» (Зап. от Ли Иннань, г. Пекин, КНР. Соб. Цзюй Куньи, А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Рассказы о школьных годах информантов дают возможность понять, как была организована образовательная среда Харбина, какие разнообразные возможности давал Харбин детям школьного возраста, независимо от их национальности и вероисповедания. Родители могли выбрать, какую систему образования они предпочитают для своего ребенка в соответствии с политическими и просветительскими установками. Кроме того, важно учитывать, как менялась система образования в Харбине с новыми политическими установками. Так, поколение 1930-х гг. было вынуждено учиться по японской системе.

«Во-первых, мы учили японский язык, во-вторых, учили государственную мораль. Во-вторых, мы кланялись его Императорскому величеству каждое утро. Выносили манифест. Директор вот так выносил манифест, вот так наклонившись, в перчатках. И читал нам нудно каждое утро. И в сторону Пу И кланялись, и в сторону Тэн, нового японского этого императора Хирохито каждое утро. И кроме того, мы читали и пели молитвы. Пели “Отче наш”, “Царю Небесному”. И шесть лет. И от того, что мы полгода японских потеряли, нам добавили их, и мы практически... Пришли Советы

в сорок пятом. И у нас уже в сорок седьмом... <1947>. Это мы не так учились... Мы бастовали... Мы же дети... Как это нас сегодня учили одному, а завтра другому. И мы ненавидели своих учителей, особенно этого директора. Чудный был человек. Мы его ненавидели, потому что он нас... <заставлял>. Наутро запели: “Утро красит разным...” <“Утро красит нежным светом”>. Не хотели советские песни петь. И мы все бастовали, мы вылазили через форточку, уроки срывали, подкладывали в эти печи... Знаете эти черные печи. В каждом классе была печь. Мы, когда надо, и гранаты туда подкладывали. Во всяком случае, в сорок седьмом году мы начали занятия с 1 сентября, и мы уже на Большом проспекте, в коммерческих училищах. Там их два было. И сейчас стоят, я их видела. В женском училище нас соединили несколько школ с первого по десятый <класс>. Пришли из Конвента, пришли из Святого Николая, и все наши... Третья школа... мы так остались в сорок седьмом году. Я закончила семь классов, а мой будущий муж закончил десять классов. Мы с ним с четвертого класса дружили как бы. Такая детская была любовь. Он учился уже в Правительственной гимназии в Бюро для эмигрантов¹¹. Десятый класс он закончил и уехал в Дальний край работать. А я еще доканчивала школу» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной, г. Харбин, КНР. Соб. А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Устные рассказы наших информантов отражают наступление эпохи советизации образовательной системы, а затем и китаизации. Однако сложившаяся в Харбине до революции система образования пустила настолько прочные корни, что давала о себе знать еще очень долго, и это обеспечило блестящее будущее нашим собеседникам как профессионалам.

«С вашего позволения я вам расскажу про детский сад. Это был чудесный детский сад. Когда мне было 4 года, это был 1948 год. Я помню, он находился недалеко от магазина “Чурин”, где там во дворе, и это подтвердила, к сожалению, она

¹¹ Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) — организация, созданная 28 декабря 1934 г. японцами с целью укрепления материального и правового положения российских эмигрантов, проживающих в Маньчжоу-ди-го; становления связей с правительством Маньчжоу-ди-го по всем вопросам, касающимся эмигрантов; оказания содействия японской администрации в решении эмигрантских вопросов.

сейчас не в Пекине, моя очень хорошая подруга Женя, по-китайски ее зовут Фан Цзюаньцзюань. Ее отец тоже работал на КВЖД, служащим был, но он не очень знал русский язык, и он хотел, что бы его дети знали русский, он сначала отдал их в детсад, а потом они пошли в школу. И получилось так, что мы с Женей оказались в одной группе в детсаде. Но мы обе это забыли здесь, потому что она еще младше меня, но потом, когда мы стали вместе вспоминать, выяснилось, что это был один и тот же детский сад, в одно и то же время. И так как я на год ее старше, у меня всплыло в голове впечатление, это была русская группа небольшая учеников 10–12 детей. Я помню, там был мальчик, Леня, он мне очень нравился, а ему нравилась девочка Оля, я была очень огорчена. И вот в этом русском коллективе была какая-то одна китайская девочка. Я говорю Жене: “Там было какое-то китайское существо, это какая-то пугливая, забитая, молчаливая”. А Женя засмеялась: “Конечно, это была я!”

<Воспитатели> все были русские, а что мне больше нравилось, когда у нас были уроки танца — не просто танца, а были уроки балета. Я тогда влюбилась в балет, я после этого мечтала стать балериной, потому что у нас была не просто учительница, а это уже была пожилая дама. Она выходила и вставала в позу и говорила: “Я балерина Его Императорского Мариинского театра”. Не помню, как ее зовут, но помню ее позу, ее голос и слова. И она учила нас по всем правилам: первая, вторая, третья позиция, небольшой станочек. Но мы там занимались еще и акробатикой, я приходила домой, мне так нравилось, мы делали лягушку, березку и еще чего-то. А потом еще репетировали разные танцы, танцевальные номера. Я помню первое мое выступление, мне не понравилось, потому что я играла не то мышку, не то крысу. Но потом мне все-таки досталась пачка через год или через три» (Зап. от Ли Иннань, г. Пекин, КНР. Соб. Цзюй Куньи, А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Вы знаете, как нас здесь муштровали, здесь так воспитывали! Будь здоров! Учителя... Месячник русского языка, это вообще, что вы... Это такое мероприятие, когда детей подслушивают, что они говорят. Если вы скажете “Что

хотишь” <хочешь>, вас сразу на крючок. “Что хочешь, то и купишь”... Так говорили. Учительница так говорила. Учили русскому языку очень досконально. Была у нас тут учительница, уехала в Австралию, там умерла уже не так давно. Она сто с лишним лет прожила. Она много детей воспитала. Она говорила, ее мама была выпускница Смольного. Поэтому высокограмотные люди нас учили. Нас учили все преподаватели — все бывшие офицеры, грамотнейшие, воспитаннейшие. У нас семечку нельзя было щелкнуть. Это был ужас, конечно! Нас муштровали, это точно. В общем, из нас делали людей. Почему я пишу? Потому, что у меня это старая заалка» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной, г. Харбин, КНР. Соб. А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Я училась <в Харбине> до конца 1953 года, потому что в начале 1954 года, после смерти Сталина, уже разрешили создавать советские школы, и мама перевела меня в новую школу в середине учебного года. Но так как в тех школах уже учились по советским учебникам в основном, но там были и старые учебники, я помню, был такой инцидент в первом или во втором классе, там был какой-то старый задачник. Мама открывает, читает: “Один помещик продал другому столько-то десятин. Сколько у него осталось? Какой помещик?” Ну, мама по-советски воспитана, была потрясена появлением этих помещиков. Один раз мама не выдержала и пошла в дирекцию этой школы, потому что там, видимо, была какая-то книга для чтения, изданная в японское время, потому что там употреблялось слово “Ниппон”, явно времен японской оккупации. И мама, как борец за справедливость, не выдержала. Литературы не хватало. Учителя были пожилые. Математик ходил всегда подтянутый, в каком-то военном френче, он наверняка был офицером. Историк, в четвертом классе, нам начал рассказывать такие исторические предания про царей, князей, это было очень интересно. Причем в советской школе это не преподавали. Потом у меня зародился интерес к истории. А моя первая учительница — это Софья Николаевна» (Зап. от Ли Иннань, г. Пекин, КНР. Соб. Цзюй Куньи, А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Я родилась в Харбине в 1944 году. У меня мама была единственной дочкой, был у нее какой-то брат, но он умер. А мама моя, поскольку в Харбине было очень сильное влияние русских и русской культуры и, вообще, у нас называли Лао Дагэ (老大哥, Lǎodàgē — в Китае так раньше обозначался старший брат; идентично наименованию «старший брат» в СССР. — Авт.), «советский человек», это считалось очень большим уважением. И мама меня отдала в детский сад от «Чурина», и там было очень хорошо, но я там была два года. А потом в шесть лет я должна пойти в школу, а в китайскую школу не брали, потому что с девяти лет. Вы не знаете, в то время китайская школа первый класс брали только с девяти лет, а мне было шесть, и мама решила, что время терять, ну и отправила меня в русскую школу. Но там почему-то, кого хотели, того и принимали, и сколько-то стоило. По-моему, это было платное обучение, но платили не много. И вот сунули меня в первый класс, а я там сижу и чуть ли не спать хочу, потому что я не знаю порусски. Поэтому, когда учителя говорили, я просто сидела. И так я просидела полгода, сидела и хлопала глазами. А потом через полгода, не знаю как, но я все могла говорить. Знаете, когда окружение такое: в русской школе, все ребята русские, говорят на русском. И совершенно спокойно, без всякого нажима, я стала говорить на русском, свободно, и слилась со всем коллективом. И я даже пишу в своей статье: «Я никогда не чувствовала себя чужой». Там еще было два китайца, ниже меня классом. Но тем не менее была такая интернациональная школа, я это потом узнала, там были поляки, грузины, но, в общем, разные были люди из разных национальностей. Со мной учились в школе, это уже не эмигранты, а дети или даже внуки эмигрантов. Поскольку в первый класс я пошла в шесть лет, и я вот и проучилась. Сначала училась в этой, которая называлась Сити Чжун, это первый-третий класс. После этого, народу же все меньше становилось, ну, русские уезжали, и меня направили в бывшую музыкальную школу, потом это было Вайши. Этот дом еще стоит, очень красивый, там лестницы. Я там проучилась два-три года, а в самом конце седьмой-восьмой класс уже были на Пристанни. На улице то ли

Полицейской. От Сунгари, вот еще улица. Это бывший Коммерческий клуб, и вот там уже собралась школа, было человек двести. И я последние два года там проучилась. Вообще-то у нас была десятилетка, «полная советская школа» называлась, но почему-то в Советском Союзе в 1957 или 1958 году началась то ли перестройка, то ли реорганизация образования. И сказали, что после восьми классов нужно идти на производство» (Зап. от Фан Цзюаньцзюань, г. Пекин, КНР. Соб. Цзюй Куньи, Цзюй Вэй. 2019 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Совершенно спонтанно во время интервью разговор о годах учебы переходит на тему отношений русских и китайцев. В этой части последовательно развиваются мотивы дружбы и интернационализма, которые определяли межэтническое общение русских и китайских детей.

«Школа <была> ветхая-ветхая. Там мы год проучились. Нас перевели. Там есть улица Таможенная, она от Амура <так названа>. Здесь Московские ряды, здесь был каток, вот сюда и шла Таможенная. Вот на этой Таможенной мы проучились где-то со второго по шестой. Там было такое одноэтажное здание. Дети всех народов, дети... очень много полукровцев, китайцев. У нас китаец мальчик учился. Потом еще какие-то нации там были. Мы там не обращали внимания. Мы все вместе... И у нас Коля Чен, китаец ходил, и Закон Божий лучше нас знал. Не православный, просто ходил. У него папа дипломат был. Папа и мама отдали его в русскую школу. У него няня была, гувернантка русская. Она его водила, научила русскому языку, потому что... <чтобы> в первый класс пойти, надо уже знать русский язык» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной, г. Харбин, КНР. Соб. А. А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Это был просто русский детский сад. А как раз дети китайские дома были с няней, ну, может быть, и был какой-то детский сад, ну, в Пекине, может, он и был.

А потом мне даже достался сольный танец, который ставили балеринам, и это было очень забавно, потому что она решила, что я, китаяночка, должна станцевать китайский танец и спеть китайскую песню. И она со мной это репетировала. Но песня, которую она предложила выбрать мне или там кому-то и я пела — очень забавно, я пела революционную

песню. «Без коммунистов нет нового Китая» тогда была очень популярная песня» (Зап. от Ли Иннань, г. Пекин, КНР. Соб. Цзюй Куньи, А.А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«В школе я никогда не чувствовала себя чужой, то есть мы до совершенно на равных: и играли, и веселились, и учились и так далее, но никогда с их стороны я не чувствовала пренебрежения. Это общность культуры, языка. Ты вот учишься в школе, ты не только воспринимаешь язык и общую культуру, но и поведение даже. Вот если, например, какой-то мальчик или девочка наябедничают, то весь класс объявлял ему бойкот. Я вот считала так, что предавать своих это очень некрасиво, то есть линия поведения переменяется.

Вы понимаете, поскольку жили все вместе, вперемешку, то есть русские жили в окружении китайцев. И волей-неволей приходилось иметь какие-то контакты. Были отношения и дружеские, и торговые, то есть китайцы-продавцы приносили свой товар, приходилось общаться. И вот получился язык китайско-русский. Вот принесет товар: «Твоя покупай». Грамматически неправильно, но правильно, тем не менее все было понятно, язык жестов, мимика. Много было слов, переделанных на китайский лад, и русские тоже немного по-китайски болтали, отдельно какие-то слова тоже могли, но это было необходимо для жизни. И я не помню никаких ссор, драк между русскими и китайцами, может, между китайцем и китайцем были ссоры, а между русским и китайцем нет, не было. Поэтому я говорю, что

отношения были такие приятельские, то есть я тебе, ты мне. Наоборот, китайцы же сажали овощи, и всегда они эти овощи продавали. Или я помню, что русские женщины умели шить, потому что жизнь такая, нужно было на что-то зарабатывать. Я помню, моя мама даже как-то ходила к одной портнихе, она что-то кроила — платье. Ну, вот такие отношения» (Зап. от Фан Цзюаньцзюань, г. Пекин, КНР. Соб. Цзюй Куньи, Цзюй Вэй. 2019 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Анализ интервью, вошедших в данную публикацию и оставшихся за ее пределами, показал, что во многом годы жизни в Харбине, учебы в русской школе «харбинского образца», органичной встроенности в русско-китайский быт обеспечили нашим информантам блестящее будущее и в Китае, и СССР, способствовали их стремлению развивать русско-китайские связи и контакты.

Рассматривая устные рассказы харбинцев с точки зрения их фольклоризации, можно сказать о том, что в большей степени она проявляется в текстах русских собеседников. Общими фольклорными чертами нарративов, зафиксированных от русских и китайских информантов и потомков русско-китайских браков является устойчивость и повторяемость мотива «пути родителей в Харбин», обращение к образам дореволюционной русской истории (Николая II, Распутина, других исторических лиц, дворян), мифологизация истории Харбина («Харбин — чудесный город», «Николай Чудотворец — покровитель Харбина», дружба русских и китайцев).

Источники и материалы

Волин 1982 — Волин М. Русские поэты в Китае // *Континент*. 1982. № 34. С. 337–357.
 Жемчужная 1987 — *Жемчужная* З. Пути изгнания. Нью-Йорк, 1987.
 Зуева 2002 — Зуева Т. В. Русский фольклор. М., 2002.
 Ильина 2011 — Ильина Н. Дороги и судьбы / Предисл. В. Жобер, А. Латыниной. М., 2011.
 Кишкина 2018 — Кишкина Е. Из России в Китай: путь длиною в сто лет: Мемуары. М., 2018.
 Козлова 2005 — Козлова Н. Н. Советские люди: сцены из истории. М., 2005.
 Крузенштерн-Петерец 1968 — Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // *Возрождение*. 1968. № 204. С. 45–70.

Крузенштерн-Петерец 1997–2000 — Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // *Россияне в Азии*. 1997–2000. № 4–7.
 Ли Иннань 2017 — Ли Иннань. История простой харбинки // *Русский Харбин*, запечатленный в слове. Благовещенск, 2017. Вып. 7. С. 7–11.
 Ли Чуаньсюнь 1998 — Ли Чуаньсюнь. Дальний Восток России в переходный период. Харбин, 1998.
 Ли Ша 2009 — Ли Ша. Моя судьба в Китае: воспоминания жены Ли Лисаня Ли Ша. Пекин, 2009.
 Николаева 2016 — Николаева Н. Японцы. Огре, 2016.
 Перелешин 1987 — Перелешин В. Два полустанка. Амстердам, 1987.
 Рачинская 1982 — Рачинская Е. Н. Перелетные птицы. Сан-Франциско, 1982.

Рачинская 1990 — *Рачинская Е. Н.* Калейдоскоп жизни. Париж, 1990.

Резникова 1988 — *Резникова Н.* В русском Харбине // *Новый журнал.* 1988. № 172–173.

Слободчиков 2005 — *Слободчиков В. А.* О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005.

Софонова 1980 — *Софонова О.* Пути неведомые. Мюнхен, 1980.

Таскина 1991 — *Таскина Е. П.* Харбин. Ветка русского дерева. Новосибирск, 1991.

Таскина 1994 — *Таскина Е. П.* Неизвестный Харбин. М., 1994.

Таскина 1998 — *Таскина Е. П.* Русский Харбин. М., 1998.

ЦИДВЭ АмГУ — Архивный фонд Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета.

Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лиин 2003 — *Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лиин.* История русских эмигрантов Харбина. Харбин, 2003.

Исследования

Аблова 2005 — *Аблова Н. Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М., 2005.

Голованов 2013 — *Голованов И. А.* Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2013. № 2 (293). С. 89–92.

Забияко 2011 — *Забияко А. А.* Мемуары русских харбинцев: мифологизация истории vs. история эмиграции // *От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии.* М., 2011. С. 247–265.

Забияко и др. 2015 — *Забияко А. А., Забияко А. П., Легошко С. С., Хисамутдинов А. А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск, 2015.

Зиненко, Цзюй Куньи 2015 — *Зиненко Я. В., Цзюй Куньи.* «Мы жили в Харбине, как при царской России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50-х гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур /* Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск, 2015. Вып. 11. С. 353–364.

Козлова 2005 — *Козлова Н. Н.* Советские люди: сцены из истории. М., 2005.

Ли Иннань 2017 — *Ли Иннань.* История простой харбинки // *Русский Харбин, запечатленный в слове.* Благовещенск, 2017. Вып. 7. С. 7–11.

Лотман 1996 — *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.

Мелихов 1991 — *Мелихов Г. В.* Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991.

Мелихов 2003 — *Мелихов Г. В.* Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003.

Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко 2019 — *Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко А. А.* Русский Харбин в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары vs. меморат // *Любимый Харбин — город дружбы России и Китая: Матер. 1-й Междунар. науч.-практ. конф. (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) /* Под ред. А. М. Буякова и др. Владивосток, 2019. С. 200–214.

© Цзюй Куньи, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Цзюй Куньи <https://orcid.org/0000-0003-0957-0213>

Аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета: Российская Федерация, 6750027, г. Благовещенск, Игнатъевское ш., д. 21; тел.: +7 (4162) 23-47-09; e-mail: j_kueen@aliyun.com

THE “HARBIN TEXT” OF THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY IN HARBINERS’ VERBAL STORIES

JU KUNYI

(Amur State University: Ignatievskoe Highway 21, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation)

Summary. *The subject of this article are oral stories of Harbin residents (Russians, mixed-blood, and Chinese) about life in Harbin in the first half of the twentieth century. Memorates were collected as a result of field research in 2015–2019 in Blagoveshchensk, Moscow, St. Petersburg, Harbin and Beijing. This collection of materials presents the memories of representatives of different ethnic, social and political groups: descendants of Russian immigrants, Chinese migrants, children of the CER (Chinese Eastern Railway) employees, children of Chinese Party leaders who found themselves in Harbin as a result of revolutionary events and the Civil War, migration to Manchuria from Central China, revolutionary events in China itself and the formation of the PRC. The work gives an interpretation of the concept of “Harbin text” of culture and history, defines the methodology for the study of memorials in the Russian-speaking and Chinese-speaking environment. Memorials about Harbin are studied as a genre of urban folklore.*

Keywords: oral history, memorials, memoirs, interviews, Harbin, “Harbin text”, Far Eastern emigrants, migrants, Harbin people, genre originality, interview.

Received: May 27, 2019.

Date of publication: December 25, 2019.

For citation: Ju Kunyi. The “Harbin text” of the first half of the 20th century in Harbiners’ verbal stories. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 120–135. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.4.010

References

Ablova N. E. (2005) KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitaye: mezhdunarodnyye i politicheskiye aspekty istorii (pervaya polovina XX veka) [Chinese Eastern Railway and Russian emigration in China: International and political aspects of history (first half of the 20th century)]. Moscow. In Russian.

Golovanov I. A. (2013) Ustnyy rasskaz-vospominaniye v sovremennoy kommunikatsii kak fol’klornyy tekst [Oral story-memory in modern communication as a folklore text]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2013. Vol. 2 (293). Pp. 89–92. In Russian.

Ju Wei, Ju Kunyi, Zabiyaiko A. A. (2019) Russkiy Kharbin v vospominaniyakh dal’nevostochnykh emigrantov: memuary vs. memorat [Russian Harbin in the memories of Far Eastern emigrants: Memoirs vs. memoratum]. In: Lyubimyy Kharbin — gorod druzhby Rossii i Kitaya [Favorite Harbin, the city of friendship between Russia and China]. Mater. of the 1st Internat. Scient. and Pract. Conf. (Harbin, June 16–18, 2018). Vladivostok. Pp. 200–214. In Russian.

Kozlova N. N. (2005) Sovetskiye lyudi: sdeny iz istorii [Soviet people: Scenes from history]. Moscow. In Russian.

Li Yingnan (2017) Istoriya prostoy kharbiniki [The story of a simple Harbinese]. In: Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove [Russian Harbin,

captured in the word]. Blagoveshchensk. Vol. 7. Pp. 7–11. In Russian.

Lotman Yu. M. (1996) Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya [Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]. Moscow. In Russian.

Melikhov G. V. (1991) Man’chzhuriya dalekaya i blizkaya [Far and close Manchuria]. Moscow. In Russian.

Melikhov G. V. (2003) Belyy Kharbin. Sredina 20-kh. [White Harbin. Mid-20s]. Moscow. In Russian.

Zabiyaiko A. A. (2011) Memuary russkikh kharbintsev: mifologizatsiya istorii vs. istoriya emigratsii [Memoirs of Russian Harbinese: The mythologization of history vs. history of emigration]. In: Ot Bunina do Pasternaka: Russkaya literatura v zarubezhnom vospriyatii [From Bunin to Pasternak: Russian literature in foreign perception]. Moscow. Pp. 247–265. In Russian.

Zabiyaiko A. A., Zabiyaiko A. P., Levoshko S. S., Khisamutdinov A. A. (2015) Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitelstva v usloviyakh dal’nevostochnogo frontira [Russian Harbin: Life building experience in the Far Eastern frontier]. Blagoveshchensk. In Russian.

Zinenko Ya. V., Ju Kunyi (2015) “My zhili v Kharbine, kak pri tsarskoy Rossii”: sotsiokulturnyye i etnokulturnyye protsessy 10–50-kh gg. XX v. v soznanii dal’nevostochnykh emigrantov [“We lived in Harbin as in Tsarist Russia”: The sociocultural

and ethnocultural processes of the 1910s–1950s in the minds of Far Eastern emigrants]. In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur [Russia and

China on the Far Eastern frontiers: Historical experience of interaction between cultures]. Blagoveshchensk. Vol. 11. Pp. 353–364. In Russian.

© Ju Kunyi, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Ju Kunyi <https://orcid.org/0000-0003-0957-0213>

E-mail: j_kueen@aliyun.com

Tel.: +7 (4162) 23-47-09

21, Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation

PhD Candidate, Department of Literature and World Culture, Amur State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)